

И Ольга Ивановна въ испугѣ указала Ленѣ на дверь въ залу, изъ которой раздавались тяжелые шаги Антона Кирилыча...

Лена догадалась, въ чемъ дѣло. Она стала еще блѣднѣе и смѣло вошла въ залу.

— Вы зачѣмъ спрашивали меня, папаша? — тихо спросила она, останавливаясь у двери.

Увидѣвъ ее, Антонъ Кирилычъ прекратилъ свою бѣшеную прогулку по залѣ и остановился передъ дочерью.

— А, явилась! Гдѣ изволила пропадать? Новыя каверзы придумывала? Это ты чтѣ такое въ церкви-то надѣлала, а? Кто тебя этому научилъ, а?

— Никто не училъ, я сама...

— Ага, сама! И записки сама писала? Такъ я же тебѣ покажу, неучъ эдакой, какъ записки писать... Вотъ тебѣ!..

Антонъ Кирилычъ замахнулся и ударилъ Лену по щекѣ. Леночка вскрикнула, закрыла лицо руками и бросилась бѣжать.

— Постой, постой! куда?—кричалъ ей вслѣдъ расходившійся отецъ.—Это тебѣ еще мало! Тебя выдрать надо, негодяйку эдакую! Ишь ты, чтѣ затѣяла? Для этого тебя грамотѣ-то учили, чтобы каверзы разныя сочинять?.. За это тебя поятъ, кормятъ и одѣваютъ, чтобы ты пакости своему семейству дѣлала? Да я тебя въ порошокъ сотру, — вотъ тебѣ чтѣ! Дубина!

Долго кричалъ Антонъ Кирилычъ, наконецъ его злость немного улеглась, и онъ отправился въ свой кабинетъ спать.

Лена убѣжала въ самый дальній уголь палисадника и, забравшись въ кусты шиповника, бросилась на траву. Лицо ея все горѣло отъ пощечины, грудь высоко подымалась. Она уткнулась лицомъ въ душистую, мягкую, прохладную траву и долго пролежала такъ, безъ движенія. Потомъ встала и заплакала. Сознаніе горькой, незаслуженной обиды поднялось въ ней. — „Вотъ вся моя жизнь!—подумала она, и слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ.— Бьютъ, бранятъ, скоро будутъ привязывать на цѣпь, какъ собаку... Чтѣ же дѣлать? Значить, надо молчать и всему покоряться? Пусть они все подличаютъ, душатъ другъ друга, грызутся,—молчать и не вмѣшиваться? Но къ чему же тогда все эти слова: любите людей, помогайте имъ... Неужели вездѣ такъ? Стоить ли послѣ этого жить, мучиться? Нѣтъ! Не могу больше такъ жить! Или умру, или уйду. Умру или уйду... Уйду... умру...“ — шептала Леночка бессмысленно, выдергивая изъ земли траву и разбрасывая ее кругомъ.

А надъ нею неподвижно разстилалось небо ясное и безоблачное. Глубокая синева его нѣжила глазъ, успокаивала нервы.